

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 2, апрель 2014

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

Наверное, одной лишь вологодской литературы с ее вершинами, укрепляющую всю современную русскую литературу, явлениями, с ее пока еще не открытыми широким читателем яркими именами, хватило бы на целую национальную литературу какой-нибудь вполне приличной европейской страны. Для нас же это лишь часть или, может быть, лишь одна из корневых частей нашей родной русской литературы. И очень грустно то, что все-российскому читателю она сегодня неизвестна. Мы в своем первом приближении к современной литературе Вологды вполне сознательно чаще обращали внимание на имена для нас новые. Не сомневаемся, что при более обстоятельном изучении будет для нас настоящим открытием вся вологодская литература последних лет.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ.
«ВЕСТНИК». МОСКВА

О НАС ГОВОРЯТ

«Вологодский литератор» — замечательное начинание. Василий Белов, Николай Рубцов встречают читателя. Уже первый номер газеты с такой полнотой охватывает всё бытие России и духовную её жизнь, что не остаётся сомнения в успехе нового издания. Очень своевременно было бы создать такую газету и в других городах нашего обширного Отечества. Я прочитала все материалы газеты с великим удовольствием.

Екатерина Козырева,
гор. Москва.

Дорогие соседи! Поздравляю со всем жаром сердца с выпуском Первого номера «Вологодского литератора»! Главное: удивительно русская, коренная земля России приобрела свою литературную прописку. И Позгалёв — молодец, понимает, что значит Вологда и вологжане. Русскому кораблю негоже обижаться на ракушки. Счастливого пути!

Надежда Мирошниченко.
Республика Коми, Сыктывкар.

На родине незабвенного Николая Рубцова, мудрейшего Василия Белова — сам Бог велел вывести в литературный свет такую газету.

Удачи и хороших помощников в этом святом деле!

Валентина Коростелёва,
Подмосковье, гор. Железнодорожный.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Заветы А. А. Романова

Те, кто выдумали принцип: «Где хорошо, там и родина», убоги душой и продажны по натуре. Они озабочены лишь собственной сытостью. Нет, Родину не выбирают! Она там, где ты родился, где твой корень. И если в родных местах людям живется хорошо — это нормально, так и должно быть. А если плохо — значит, ущемлён какой-то нерв жизни, и нужны усилия, чтобы исправить положение. Ведь хорошо жить — не значит жить легко и бездумно. И черствеет сердцем тот человек, который гасит в себе, как далёкую зорьку, память о первоначальной своей родине.

Мы своей творческой жизнью в Вологде доказали, что не обязательно рваться в столицу в поисках своего поприща, что и дома можно многого достичь. Лишь бы кипело сердце, да глаза видели всю Россию.

Нина ГРУЗДЕВА

Я — вся из звуков, вся из хлеба.
Как та высокая сосна,
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.

Протягиваю в вечность руки.
Сначала слышимы едва,
Оттуда неземные звуки
В земные вяжутся слова.

А мне светло и одиноко.
Через меня струятся вниз
На Землю солнечные токи,
Земные,— в небо поднялись.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Сергей АЛЕКСЕЕВ

МЫ ЖИВЕМ В ОЖИДАНИИ ЛЕТА...

день, поэтому и тут не особенно напрягался. И за сорок пять лет трудового стажа не притомился совершенно, не изработался, горба не нашёл. Напротив, тайно и тихо дивился тому, что тружусь, испытывая высочайшее наслаждение и радость, а мне еще за это деньги платят! До сих пор не могу привыкнуть! Читатели об этом даже не догадывались, верно, и до сих пор думают, изматываюсь в прах, коль работаю день и ночь, бывает, в год по два романа выходит. Теперь, будучи на заслуженном отдыхе, и признаться не стыдно, что работал всю жизнь, как вольный землепашец в добрые времена, исключительно в свое удовольствие.

Но еще лучше, оказалось, быть на пенсии! Единственное неудобство — не возможно в одночасье избавиться от прежних вредных привычек и болезней. Речь не про табак, алкоголь и остеохондроз — про время. Про то, что мог бы спать, но сижу допоздна и встаю затемно. Шлейф бессонницы тащится,

как проклятие, два года миновало, никак не проходит. Особенно весной: мысленно вижу себя на завалинке, в опорках, в шапчонке, сижу, шурю на солнышко, курю самосад и радуюсь. Кругом внуки бегают, ручейки пускают, кораблики мастерят. Много ли надо пенсионеру для полного счастья?

Но вместо этого каждую весну, как только согреюсь на солнце, у меня на руках цыпки появляются! Помните, которые в детстве бывали, а матушка по вечерам заставляла мыть теплой водой и сметаной смазывала на ночь? И ладно бы только цыпки, а то встану с открытым ртом, ни с того, ни с сего уставлюсь в небо, смотрю на летящих птиц и теряю ощущение времени. И такая тоска возьмет, поднялся бы на крыло и полетел...

Может, уже и в детстве выпадаю?

Ну, ладно, перелетные птицы, они на родину торопятся, чтоб гнездо свить, верную подругу найти, род свой

• Окончание на 2-й стр.

ЛИТИНФОРМАЦИЯ

Лауреатом Международной премии «Филантроп» (Первое место) за 2014 год в номинации «поэзия» стала вологодская поэтесса, член Союза писателей России **Нина Васильевна Груздева**. Премия присуждается один раз в два года и включена Правительством РФ в перечень международных, иностранных и российских премий за выдающиеся достижения инвалидов в области науки и техники, образования, культуры, литературы и искусства.

Девять писателей вошли в шорт-лист Патриаршей литературной премии имени святых Кирилла и Мефодия. Их объявил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в зале заседаний храма Христа Спасителя. Среди номинантов этого года, выбранных из 35 кандидатов, — и вологодский писатель, член Союза писателей России **Роберт Александрович Балакшин**. Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия учреждена Синодом Русской Православной церкви в 2009 году и не имеет аналогов. Она призвана поощрять писателей, внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, семьи и общества, создавших высокохудожественные произведения, обогатившие русскую литературу.

«Главная наша задача заключается в том, чтобы привить вкус к чтению публике, особенно молодежи», — сказал патриарх. Он убежден в необходимости «пропагандировать хороших писателей, используя все доступные средства». Патриарх предложил писателям обращаться к аудитории через православные телеканалы, а тем, в свою очередь, снимать художественные передачи о писателях. Кроме того, патриарх отметил, что есть возможность привлечь к сотрудничеству телеканал «Культура», что позволит познакомить с номинантами и лауреатами премии более широкий круг общественности.

По инициативе Вологодской писательской организации и решением городской Думы в Великом Устюге будет установлена памятная доска на доме, где жил поэт, член Союза писателей России **Анатолий Сергеевич Мартюков**. Материальную помощь по изготовлению и установке памятной доски поэту оказали великоустюгские предприниматели: Кадомкин Владимир Викторович, Ерофеев Валентин Николаевич, Мигальников Владимир Николаевич, Голышев Виктор Денисович, Демиденко Евгений Владимирович, Мохнаткин Игорь Васильевич. Сердечная благодарность от вологодских писателей и всех ценителей творчества Анатолия Сергеевича Мартюкова.

Решением Приемной Коллегии при Союзе писателей России в ряды профессиональных писателей принят **Николай Созонтович Алешинцев** из Великого Устюга. Вологодская писательская организация искренне поздравляет своего товарища и желает ему новых творческих открытий!

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

• Окончание.
Начало на 1-й стр.

продлить. А что же меня каждый год в эту пору гонит из дома?

Чуть только напахнуло талым снегом, запели синички, даже про пенсию забываю, такая тревога, такое беспокойство и радость охватывают, что сил нет терпеть. И, как назло, в это время приносит ветром незваных гостей! Внезапно появляются люди, совсем незнакомые, будто бы случайные, и давай дразнить, завлекать, рассказывая чудеса о неведомых местах. Один словами заманивает, другой карты у меня на полу раскидывает, тычет пальцем: здесь не был, там не был, сюда не дошел! А знаешь, что там есть?! Ого!

То, что еще не видел — чумовые места, диво дивное на каждом шагу! И начинают рисовать маршруты, тормозить штанины моей пенсионной пижамы — глянь! Отсюда до сюда на самолете, потом на вездеходе, немного на оленях, на лыжах, еще чуток на метле, а остальное уже пешком. К середине лета как раз доберемся, а в обратку по реке сплавимся и до ледостава дома будем. Где твой походный рюкзак?..

А ведь еще недавно мечтал, выйду на пенсию, заведу кузню, сад и пасеку на даче, стану летом за пчелками ухаживать, зиму на печи лежать, весной — на завалинку. Вышел, оказалось, не на пенсию, а на работу! всю жизнь хоть и дома не сидел, но только романы писал, да по горам еще ползал в удовольствие. Тут же пришлось открывать свое издательство — под проект «Сорок уроков русского». Отдавать крупным издателям свое новорожденное дитя показалось опасно, опять на обложках нарисуют брутальных мужиков с автоматами и голых красоток, а книги на продажу выставят в отделе фэнтези.

Открыл, и в такой хомут залез на старости лет! Оказалось, издавать только самого себя не интересно, нужна концептуальная идея. Нас же учили с лозунгами жить, знать ответ, ради чего и во имя чего копыа ломать. А другой идеи, как искать новых, неизвестных еще миру, авторов, нет! Да и старых, всемирно известных еще недавно, но впопыхах смуты, забытых, нужно печатать! Оказывается, книгам современных русских классиков теперь не находится места ни в издательствах, ни на полках магазинов. Начни имена перечислять и пальцы загигать, так и рук не хватит...

Да не просто тиражировать — возвращать читателю высокое, светлое и мудрое слово. В руки книгу ему давать, понуждать к чтению, растолковывать — в буквальном смысле продвигать, расталкивая литературный мусор. После массового чтения детективщины устисто-донцовских домохозяек сделать это не просто. Русский человек возвращается к истинным ценностям в двух случаях: или когда стоит на краю могилы и небо с овчинку, или когда ощущает свою *сопричастность* с великим и вечным. То есть, все по Станиславскому: надо вызвать сопереживание, соучастие — вечный двигатель не только на сцене, но и в жизни.

Так, вкпе с издательством, и появился новый проект — культурный Фонд «Первое слово». Между прочим,

Сергей АЛЕКСЕЕВ

МЫ ЖИВЕМ В ОЖИДАНИИ ЛЕТА...

по инициативе читателей, готовых быть сопричастными к великому и вечному. Оказалось, таких неравнодушных к прошлому и будущему традиционной русской литературы у нас в России множество! Под эгидой Фонда сейчас уже работает группа ученых-лингвистов, которые пишут статьи для этимологического словаря по концептуальной разработке, изложенной в «Сорока уроках...». Словарь замыслили семитомный, работы лет на семь, не меньше. С учеными людьми, особенно филологинями, обходиться следует бережно, ласково, одной рукой потакать и гладить, другой одергивать, то есть, управлять. А я всю жизнь никем не управлял, даже собой, тут же целый коллектив! И еще надо изыскивать средства, чтоб зарплату им платить, ибо ученые-гуманитары у нас божественно талантливы, но безбожно нищие.

Нет, отчасти предпенсионные мечты воплотились. Например, кузню построил, горн, инструменты, наковальня, запас железа — все, как положено, только ковать некогда. От сибирского голода и жадности по фруктам такой сад насадил, что яблоки деваь некуда, валяются на-земь, но крестьянская душа эдакого расточительства и кошунства не выносит. Приходится собирать и развозить мешками по детским домам, по студенческим общежитиям и друзьям. Вырубить бы половину яблонь, но жалко...

Пчелы же сами завелись, по доброй воле прилетели в пустые ульи, заселились и живут. Меду приносят, хоть залейся, только стоят неухоженные, без нужного присмотра. Но довольны своим полудиким состоянием: каждое лето рои улетают и селятся, где захотят — это я так оправдываю свою бесхозяйственность. На русской печи тоже не удастся полежать, потому что не топлена всю зиму, если случается выскочить на дачу, то всего на день, чтоб корма собакам и коту привезти. Хорошо, собаки, твари верные человеку, еще узнают и готовы ждать; кот был просто рыжий и пушистый, сейчас стал еще и полосатым, приобрел дикий окрас. Теперь радуюсь, что послушал домашних и коня не завел, о котором мечтаю всю жизнь...

И всё потому что каждый год наступает весна! Бегут ручьи, появляются цыпки... И еще непременно опаживает манящий ветер странствий, долетающий чаще всего в образе человека. Так позапрошлой весной внезапно возник человек по имени Виталий Сундаков, не только известный на весь мир, русский путешественник, который даже в племени людоедов сумел прожить полтора месяца и остаться целым. Впрочем, они сначала собирались съесть Виталия, поскольку нравились им белые люди, особенно, бритые американцы. А тут увидели бороду, удивились и спрашивают, мол, почему у тебя на лице шерсть растет? Землепроходец им говорит, дескать,

живу я в северной стране, там всегда холодно.

— Как холодно? — спрашивают теплолюбивые и любопытные людоеды. — Как вчера ночью?

А надо сказать, вчера ночью было градусов тридцать жары, и дикири замерзли.

— Нет, — отвечает Сундаков. — Так бывает холодно, что вода превращается в камень.

Веселые простодушные каннибалы со смеху покатались, не поверили, поскольку никогда в своих тропиках льда не видели. В общем, понравились им рассказы о жизни в России, как сказки слушали. И в итоге посчитали, на земле такой страны нет и быть не может, поэтому на совете старейшин решили — бородатый, чудной человек прилетел к ним с другой планеты! Кушать же инопланетянина даже людоедам не пристало.

Виталий, между прочим, такую планету сам создал: выстроил целый кремль в Подмоскowie, с княжескими палатами, с этнографическим музеем, с тренировочным лагерем для подростков, где они проходят курс выживания в дикой природе и исконно национальной среде обитания. Даже коней завел! Верно, рассчитывал сидеть в тереме да книги о своих походах писать, да только как не позвонишь, отзывается то из Малазии, то из Камбоджи или Африки. Или гуляет по родной стране в поисках чудес.

Мало того, что Сундаков в конце концов нарушил эволюционный процесс и убедил дикарей не есть друг друга, так и мою пенсионную эволюцию расстроил напрочь. После первой же встречи, по сути, снял с печи и понудил к странствию. Я опять махнул на Урал, где читатели мои и друзья всеьма успешно ползают по горам в поисках дикиховин, поскольку их там не счесть. Все есть, и дольмены, и менгиры, и даже каменное основание кольцевого города обнаружили. Скажу сразу: географических координат даже под пыткой на дыбе не выдам. Потому что немедля ринется туда оголтелая толпа, воспитанная на детективщине и напрочь лишенная созерцательно-романтического духа. Глазом не успеешь моргнуть, все растащит на сувениры, а если не растащит — превратит в объекты сектантского поклонения, что и случилось в Аркаиме. Или просто затопчут, завалят мусором, испишут краской: дабы вернуть заблудшего, но пытливого, ищущего веры, русского человека в лоно осмысленного восприятия мира, потребуется много лет духовной реабилитации. Которая и есть суть — *русская литература*.

А нынешняя весна в средней полосе России началась еще в декабре, то есть, попросту зимы не было. Поэтому, наверное, и залетел ко мне ветер с Алтая, принес удивительного человека и мудреца Сергея Тондоева. Сначала я воспринял его, как косвенное доказательство своей версии, что

в дописьменный период человечество обладало потрясающими качествами сознания и разума. Всякий человек был накопителем, хранителем и носителем устной информации, исключительно все знания о мире и мироздании перекладывались в мифы, легенды, сказания, песни и прочий «фольклорный» эпос, и таким образом передавались из поколения в поколение, через много тысяч лет своей истории. Причем, в чистом, не замутненном и обогащенном виде. И сам человек существовал, как косточка на четках, нанизанная на нить знаний, существовал, как Хранитель и Творец одновременно. Деградация началась с появлением письменности, и сразу же резко приземлилась, сузилась, померкла его божественная природа сознания. Так вот, Тондоев сначала меня тем и вдохновил. И думал я примерно так: поскольку алтайцы относятся к «младописьменным» народам, то сохранили в себе эти свои способности. Сергей знал историю и пути своего рода и многих других тюркских родов чуть ли не от сотворения мира, и слушать его было — не переслушать. Какая там всемирная паутина с информацией выстоит против одной его седой головы!

И вдруг нынешней весной Тондоев мне говорит:

— Ты должен написать роман о Чингисхане. Этим летом приедешь на Алтай. Проведу по всем сакральным путям великого воина.

Мне сразу же вспомнился Николай Рубцов, задумавший написать поэму о Чингисхане. По свидетельству Виктора Астафьева, уже наброски делал: будучи на рыбалке, однажды несколько строк на песке написал — за неимением под рукой клочка бумаги. Только ночью прошел по реке теплоход, и прибойной волной смыло эти строчки. И меня все время будоражил вопрос: чем мог привлечь преданного певца русской жизни образ тюркского завоевателя?

И тут, услышав столь дерзкое заявление, я грешным делом заподозрил неладное. Как из всякой, исторически привлекательной личности, из Чингисхана в последнее время пытаются сделать национального героя то монголы, то казахи, то киргизы и узбеки. Как украинцы из Мамая сделали запорожского казака. Ну, думаю, сейчас услышу, что сей воин, конечно же, алтаец. А Тондоев, этот прозорливец, услышал мои мысли и лишь усмехнулся.

— Чингисхан к тюркам никакого отношения не имеет.

И тут же неторопливо рассказал, откуда он, из какого рода, как возник в этом мире и где дни свои окончил. Связал для меня прежде несвязуемое, сковал разорванную цепь исторических событий и невероятных явлений далекого прошлого. О которых сейчас пока умолчу, дабы не предвосхищать читательского любопытства, потом в романе поведаю, если все сложится. В общем, в один миг заронил мысль, которая теперь в голове, как гвоздь в сапоге, и которая, наверное, Рубцову не давала спать, вот он и творил свои стихи на речной отмели...

Словом, я уже рюкзак собрал. Как только птицы на север потянутся, я на восток, на Алтай, по дорогам Чингисхана. А что уж добуду в походе — осенью поделюсь.

Москва — Вологда, апрель 2014

ПРОЗА. XXI ВЕК

СУТРА пораньше Слава-разведка двинул обычным маршрутом к пивнушке «Засада», что мирно почивала напротив областного динамовского стадиона. Была концовка нудной сырой осени: кругом всё давно и безнадежно промокло, точно кому-то незатейливому понадобилось, чтобы эта невпечатляющая картина мозолила глаза без конца и края.

Зато внутри сухого и чистого подвального помещения, успешно скрашивающего безрадостные дни мужеского отдохновения, сразу с порога — внушительная буфетная стойка с заманчиво заставленными разнокалиберными кружками, мимо не пройдешь. Далее, в ряд, столики с крутым угловым загибом, образующим уютный закуток с зарешеченным окном, открывающим вид на улицу.

Только среди постоянных посетителей здесь у каждого свое место, негласно установленное едва не с самого открытия увеселительного заведения. Лишь по незнанию кто-либо чужой мог разместиться за облюбованным столиком с колченогими алюминиевыми подставками.

Со стороны Славы-разведки, напротив входа, как на ладошке, видны все входящие-выходящие, а также на железной подвеске бесперебойно талдычит немеркнувший рупор современной информации — плоский широченный телевизор.

С одной-единственной кружкой безвкусного пенного Разведка готов высидеть день-деньской, взащей не выставят. А случайное припоминание своей пустой однокомнатной панельки всегда подталкивает к желанию напиться вдрызг, вповалку.

— Разведка! — с привычной насмешкой кричат ему обитатели подвального помещения.— Слышь, разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!

И, правда, было: заикался Слава-разведка о боевом прошлом, разве грех в своей компании друзей-разведчиков помануть. А у нас без этого не могут, прозвище без клея и приклеилось. Хотя самому уже и за восемьдесят с гаком стукнуло, но и до сих пор еще немалое из того времени ворошится.

Только, по общему мнению, фронтовиком тут не пахло: известно, у тех давно иных своих уж нет в помине, а кто остался — двух шагов без посторонней помощи не сделают.

А похожие вояки лишь за столиком и форсят: глядишь, какой-нибудь сердобольный завсегдатай и поднесет, от самих не скоро дождешься. Этот еще и молчун, не подступишь: знай, под нос бормочет, как с кем-то спорит, ладно, не заговаривается.

Сам жилистый, сухой и стремительный, с немигающим синим взглядом на красном обветренном лице, ветеран этого заведения больше напоминал человека без возраста: эти живчики и помоложе за пояс заткнут, как таких против шерсти не погладить.

— Разведка! — не унимается уже под вечер какой-нибудь разошедшийся любитель питейного подвала.— Качнем на руках, кто кого? Завалишь — проставлюсь!

Но в Славе точно какая-то особая сила: взглянет на весельчака так, что кажется, тот на мгновение отразится в его неподвижных зрачках, быстро очухаешься. И опять, словно пусто вокруг, в свою молчанку играет, порой даже не шевельнется. Попробуй, разберись, что на уме у людей.

Но ту компанию в пятнистой униформе, на на шутку захотевшую распазгаться возле его столика, едва не сдуло, лишь Разведка, привстав, сделал неувимое движение руками, невидимое со стороны оживившихся зевак «Засады».

И неизвестно, чем все могло закончиться, если бы посетителей не отвлекла телевизионная дикторша с обзорными новостями не первого часа. В верхнем экранном углу красной пульсирующей строчкой было написано: «об этом давно говорит мир».

А для собравшихся эти далеко не свежие известия действительно стали новостью: скоренько обитатели подвального помещения и подтянулись к орущему на полную мощность размашистому телевизионному экрану.

— «Выруби прохожего»,— так называется новая игра, быстро ставшая катастрофически популярной,— размахивая руками, вещала черноволосая смуглая женщина.— Она возникла в Америке и Великобритании, и стала любимой у обезумевшей от безделья молодежи. По сообщениям средств массовой информации, полиция не в состоянии справиться с нависшей смертельной опасностью. Международное сообщество находится на грани деморализации. Правила этой страшной игры шокирующие. Молодые люди груп-

пами выбирают первого встречного прохожего, и неожиданным ударом отправляют беззащитную жертву в нокаут, а затем выкладывают видео в интернет на всеобщее обозрение. Нападения происходят повсеместно: на улице, в подземном переходе, на остановке транспорта. Предпочтение отдается более слабым: женщинам, детям, старикам. Количество погибших растет с каждым днем. Стоит сказать, что еще неизвестно ни одного факта серьезного отпора сегодняшнему необъяснимому насилию. Между тем это дикое увлечение подобно чуме стремительно распространяется по континенту,— не останавливаясь и отчего-то косясь в сторону, бесперебойно строчила смуглая дикторша,— и его последствия непредсказуемы!

— Туши свет,— только и молвил сосед по столику Славы-разведки Быстров,

Александр ЦЫГАНОВ

ДЕНЬ РАЗВЕДЧИКА

Рассказ

пахнувшись в легкую болоньевую куртку, удачно влез в очередной битком набитый троллейбус и покатил в свои бываловские края.

Как только людям и нейметса, лишь бы чужих насмешить. Сразу на выходе у конечной остановки вовсю месили грязь несколько молоденьких злых соплюнов, крику — на всю улицу не убраться. Наверное, весь день на веселой ноге провели, и к вечеру что-то не поделили, а кругом — вперемежку с бурым снегом, жиж нагольная, негде и ступить. Потому и спрыгнув с троллейбусной подножки, пассажиры, как зайцы, без раздумий бросались врассыпную — кто куда, подальше от этого места.

И Слава-разведка тоже не стал судьбу испытывать: благоразумно, боком обошел разбушевавшуюся молодежку, еще и оглянулся на всякий случай. А следом, стараясь не оступиться, по-за остановке выбрался на тропинку, ведущую в горушку, где возле старинной роши не одно десятилетие и торчала его панельная девятиэтажка.

В свое время все уши пропели: рвались этот дальний городской край сделать показательным на весь белый свет, даже на центральном телевидении растрезвонили. Но всё без толку; и по нынешнее время остается это место обыкновенным «спальным» микрорайоном, каких не счесть по нашим городам и весям.

Окончательно «убитая» местная дорога с обеих сторон была дружно сжата хрупкими серыми панельками, стыковые швы которых еще и вгустую промазывались черной краской: странно, что такие сооружения и поныне сами собой не рассыпаются. А изначально освещенный почти до самой роши тусклыми, с мертвенным отблеском фонарями, этот угол невольно наводит на размышления, что сюда даже по необходимости не то, что заскочить, а не лишне и вкруговую обернуться.

Но это не препятствовало аборигенам в свободное от трудов праведных время совершать оздоровительные прогулки: здешним окраинным воздухом дыши,— не надышишься.

Представив, как опять он окажется на верхотуре девятого этажа в пустой обрыдлой комнате, Слава-разведка остановился внизу у тяжелойной одомофенной двери и нерешительно, в раздумчивости пожал плечами.

Вроде, и неохота — холодрыга, зуб на зуб не попадает, а все равно ноги еле не сами понесли к последнему подъезду, такое иногда проскакивало.

Напрямую от угла дома, через растоптанную слякотную тропку, уже не первый год успешно торговал напротив новехонького гаража круглосуточный новомодный магазин, всякой всячины на любой вкус хватало. А бутылочка не по затылочку, чтоб сегодняшний вечер скоротать, и не помешает: всё время скорее пройде́т.

Слава-разведка так и сделал, а обратно у дверей на улицу лоб в лоб и разошелся с тремя молодыми крупными парнями, даже оступился. Будто холодком обдало,

любому не по себе станет.

Все трое, как на подбор, кареглазые и густановолосые, быстрые, во всем тёмном, зыркают — исподлобья по сторонам посматривают. Не поймешь, каким и ветром таких гостей занесло. Не свои это были, точно: этих можно и наперечёт узнать. У Разведки глаз — алмаз, с фронтовых времен приметный, увидит,— острее шила прищиплит.

Еще и одеколоном дорогушим на версту от всей троицы разит. Да и машина их здоровенная, как танк, рядом на магазинных задворках чернотой поблескивает. Больше всего на каких-то военных смахивают: впору дураком последним быть, чтоб о местных заикаться.

«С какой стати эти орлы у нас оказались,— походя, подумал Слава-разведка, остановившись у гаража, магазинную покупку в куртку засунуть.— Только таких субчиков здесь не водилось».— С его стороны как днем видно, а самого и не различить сразу,— придется приглядываться.

В это время из магазина появилась старая согнутая женщина в больших очках: и к гадалке не ходи,— соседка, с его хозяйкой, царство небесное, раньше чай на кухне частенько распивали. Нынче — еле, душа в теле, хозяйственную сумку тянет, через раз отдыхает.

А дальше и моргнуть, казалось, Разведка не успел, чтобы понять, что произошло. Один из кареглазых вдруг стремительно, как кошка, прыгнул и со спины нанес старой женщине такой удар, что ее просто с ходу выкинуло на обочину. И всё: был человек, и не стало, лишь голова, будто у пластмассовой куклы, подпрыгнула на дороге.

Слава-разведка и посудину из рук выронил, не успел в карманном месте пристроить. Бутылка грянула о железный гаражный поддон: и, нехотя услышишь, как разбилась. А кругом — ни единой души не видать, ровно все вымерли, лишь одна нагольная стынть, и следом еще снег пошел, вкосу стал заваливать.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день,— мелькнуло у Разведки, так на ходу и замер. Если честно, едва не трухнул поначалу. А перед глазами лишь соседка стоит,— как она там, всё ли ладно. Скорей бы ушли, да помочь».

Припомнилась и телевизионная говорушня: получается, не обманула.— Уж не моя ли сейчас очередь на тот свет отправляться?..»

Теперь ясно, что приезжие не случайно выбрали эту безлюдную городскую окраину, чтобы после о них и слыхом не слыхивали.

С головой продумано, не с пустого места прилетели. И они решили от жизни не отставать. Видно, тоже занемоглось: поиграть в эту игру захотелось.

Между тем кареглазые гости, на чуток затаившись, стали осматриваться: неладное почуяли. Один из них, поднеся ладонь ко лбу, еще и в упор, против света, взгляделся в темноту, весь наизготове.

После, сунув руки в карманы кожанки, с хрустом расправил плечи и уже по-хозяйски спокойно, гортанно распорядился:

— Иди сюда.

Разведка понял, что его нашли, больше никуда не деться. Кажется, его дорога нынче была прямым ходом за соседкой, что кур во щи попался.

Всего исхозают,— либо прибьют, или изувечат, куда понятней. А кому охота на старости лет в калеках оставаться, и воды будет некому подать. Да как бы, чего доброго, и похуже не придумали, у этих не заржавеет.

Меж пальцев тут не проскочишь, и впустую тоже напрасно торчат, быстро сцапают. Лучше заезжих гостей от греха подальше убрать, поскорей отсюда увести. Мало что еще им в голову взбредет.

А самому обратно сюда на следок и завернуться: своих в одиночку не оставляют, не дело. Будь, что будет, а дальше — куда кривая выстрелит.

Но как только он выпрямился у своего ненадежного гаражного прикрытия, ментально снизу доверху и окатило всего ледянкой, давно такого не бывало. А он, сжав зубы, снова на дорогу глянул, где по-прежнему в лёжку лежала соседка: жива ли хоть та?..

Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло. И Разведке тут стало понятно, что теперь делать.

Даже если он успеет напрямую добратъся до крайнего подъезда, внутрь можно и

• Окончание на 4-й стр.

ПРОЗА. XXI ВЕК

- Окончание. Начало на 3-й стр.

не попасть, нынче все двери на железных запорах, прижмет человека — и то не откroют. Зато уже на свету, под подъездным фонарем, разом и оставят без разговоров: кому лишний язык нужен.

А коль удасться проскочить сбоку, поза темной стороне своего дома, и оттуда тропкой к роще,— недолго и от гостей оторваться. Тогда, глядишь, чужие и не сунутся в такую глухомань, откуда любой местный без труда с закрытыми глазами выйдет.

Между тем давно было пора действовать, потому что приезжие, наконец, не торопясь, двинулись в сторону гаража.

Но Разведка уже бесшумно, краем, что ближе к дому, успел переместиться к тропке, тёмной стороной пробрался. Затем, не чуя собственных ног, одним духом проскочил возле дома, а дальше прочавкал ботинками через дорожную слякоть и, рукой подать, перед носом замаячила сама роща,— даже не верится.

Только рано было радоваться, не по таковскому вышло. Оказалось, от самого магазина приезжие с ним, как кошка с мышкой, забавлялись, самих себя тешили.

К этому времени, кажется, на последнем дыхании, Слава-разведка и до горюшки в самой роще добрался. Вся в высоченных сказочных деревьях, раскиданных вокругую, летом совсем залюбуешься.

Сразу с дороги, бок о бок, еще в открытую, как дозорные, бдительно стоят тополь с сосной, издалека видно. Рядом хвостиком пристроился и молодой еловый подрост, с прошлой весны голову заподнимал. В таком месте лишь расти и остается, во все стороны свободно.

А изведенному временем до схожести с натуральным крестом, старому широченному тополи с растрескавшейся корой, было бы лишним скрашивать одиночество своей кучерявой подружке-сосне: на ее ладном прямом сучке во весь наш рост, как на подтягушке, местная мелюзга любит силой друг с дружкой хвастаться, особенно теплой порой.

Если отсюда взять стороной, ближе к окрайке, где за деревьями до самой окружной развязки было поле, всплошную заросшее кустарником, можно и незаметным остаться: свои и то здесь без надобности не суются.

Только беглец отдышался, а за спиной и смех: от такого не дождешься радости. Разведка обернулся, а это гости, один другого здоровее, следом в распахнутых кожанках в горюшку поднимаются. Самый последний из них еще и на мобильный телефон записывает старика, на всю ребятам весело.

Получается, так и снимали, как он, не хуже молодого, во все лопатки от них наяривал, лишь пятки сверкали. Дожил до тюки: как у настоящего труса вышло, теперь лишь глазами хлопать остается. Стыдоба одна, и только.

— Э, баран,— внезапно перестав смеяться, негромко и лениво цокнул первый гость. Это он оставил Славину соседку на дороге лежать.— Сейчас мы тебя резать будем.— У него пропал всякий интерес к этому старику в одежде с помойки: сам не свой стал, головой завертел напоследок, все они такие.

Чтобы не пропустить, как всё будет дальше, еще и мобильный телефон на него наставили,— того совсем с лица извело, раньше бы не кончился.

А сам Разведка-то как хорошенько глянул: какие это ребята,— давно мужики, где и глаза раньше были? Лучше к таким не соваться: кокнул и не поморщится, одним взглядом нарушат. Или чем-то опились, а может, и совсем изнутри вымерзло.

Случаем, не из той породы, кто только тем и занимается, чтоб людей на тот свет отправлять? Развелось этих бандитов, как собак нерезаных. Своё дело сделали: отсиделись, где потише, и опять шакалить. Ничего не бояться, как теперь эти майдановские: везде хозяева. Всех за горло взяли, никто и не пикнет. А что про игру сказывали в телевизоре, где молодяжка вусмерть бьет, так это чужакам вместо забавы будет. Как передышка. Поди-ко, под шумок и захотели размяться. На кого-нибудь поохотиться. Чтоб кровь в жилах не застоялась, без этого и не могут. Тогда с каких рыжиков их еще сюда принесло?..

Знатье бы с самого начала, могло и поиному обернуться. А у них не понарошку зашалаю чужую душу на покой отправить. Всё продумано.

И так уже понятно, не первый он у них в руках. Худо дело: и ботинками с длинного носка в землю запопинывали, в карманах у себя зашарили, совсем невтерпех людям стало. Бросятся сейчас, не повезло ему.

— Слабо, один на один,— и сказал тогда Слава-разведка. И откашлялся: — Давай, кто первый?

И — быстренько спиной к тополи, чтоб сзади не обошли. Никто не мог видеть изменившегося взгляда на его красном обветренном лице, моментально другое стало. Похлеще, чем у этих кареглазых молодцов сделалось.

И сам он стал схожим с той самой пружиной, что тронешь невзначай, в ключья разорвёт. Весь огнем взялся. Не ты — так тебя; и тогда тоже, в те давние полсотни разведчиковых ходок за линию фронта,— иначе и не бывало спасения.

На раз жили,— и не таких еще чужаков с ножичками выдали. Если на то пойдёт, хоть одного, а без глотки оставит, силенок хватит.

Приезжие в тёмном, услышав старика, загоготали, и толком не вышло, стойно

точно мигом наскочившего на что-то острое, изогнув, уже носом перед самым тополем сунуло и в тряску на этом месте заколотило.

По-другому и не бывает, если еще сразу и подскользнувшись, он едва не растянулся на сыром снегу, а потом уже и прямым всем глоткой на собственный ножик напоролся: как и не живал на свете.

А сам жгучий ножичек при броске главного кареглазого и срикошетило от этого дерева острием вверх. И его узорная рукоятка, тюкнувшаяся в гущу прошлогодней листвы, своим комлем уютно устроилась в крепкий снежок, плотно село. Как почьему-то заказу вышло. И надежно штырилось перед прошловекowym тополем длинной и острой пикой: доведись, целое колесо из строя выведет.

А приезжий с размаху и нарвался на

Александр ЦЫГАНОВ

ДЕНЬ РАЗВЕДЧИКА

Рассказ

воют. Смешно им: дайте достойных, с любым из них по-мужски и поговорят, лицом к лицу встретят.

А этот все время, как заяц, бегал, теперь и у дерева, как пёс шелудивый, дрожит,— собаке и смерть собачья. Навсегда прочувств следует, чтобы другим стало неповадно. Отвечать надо: во все времена так было.

Сейчас и с этим то же самое будет. Прямо у дерева, сам выбрал,— добежался. И на телефон еще записать, правильно это. Все знают, что настоящий мужчина никогда ничего не боится, и поэтому всегда должен за себя постоять.

Издали от леса, со стороны окружной дороги, было слышно, как несмолкаемо летели машины: изо дня в день туда и обратно без отдыха несутся.

А здесь, в застывшей мерклой полутьме, кареглазые приезжие еще накиннули на себя капюшоны и, оживленно жестикулируя, негромко переговаривали между собой. Знать, наскоро подвернувшаяся, новая затея сразу изменила планы гостей, которые вскинутыми ладошками дружно приветствовали друг друга.

Затем один из них, что за старшего, прикинул на глазок расстояние от себя и до тополя, громко шелкнул языком. Довольный был.

Похрустывая снежком, этот первый кареглазый неспешно отшагал дальше, чтобы удобнее было. И деловито достал из кожанки остро блеснувший, длинный и тонкий ножик, вся ручка в узорах.

В страшном сне бы Славе не привиделось, что это удумали с ним сотворить. Конечно, если пугнуть не захотели понастоящему. Ведь такое и в ум нормальному человеку не придет. Взять — и живую душу запросто на тот свет отправить, ни за понюшку табаку. И тогда хуже всего,— даже и не дотянуться ему будет до кожаных гостей — не дадут. Больно хотелось в конце не опозориться.

А коль вправду решили сразу под деревом устрять, и не зачем им лишние хлопоты. Наверное, раньше редко мелочились: было бы с кем возиться. Заодно потом и самим глянуть поинтересней, как этот приговоренный будет дергаться, хоть будет что с мобильного смотреть. Не о том ли теперь и говорили?..

И Слава-разведка еще крепче замер у изогнутого наподобие креста широченного дерева, одни желваки на скулах заходили. По-звериному притаив дыхание, онемелый, он не сводил закаленного взгляда от противника: и раньше мало каши ели, чтобы его на арапа брать.

А старший из гостей, нетерпеливо мотнув головой, как прицельно на бросок ножичек узорный вскинет!.. Играючи и без замаха, легонько. Но в долю секунды раньше пружинной уже откинуло Разведку от тополя прямо к сосне,— как тут и был!

Но и кареглазый тоже не лыком шит,— в мгновение ока и молнией у самого тополя очутился, моргнуть не успеешь. Чтоб вслед за попаданием успеть еще по самую рукоятку и к дереву этого беглеца пригвоздить, всем наука будет.

Выходит, для того и затевалось, потому что остальные только взвизгнули горячо. С такого веселья сначала и не разобрали, для кого страшно и скоро всё кончилось этой порой в дальней роще, минутное дело.

Глаза, как надо, разули вечерние зрители, а их старшего после своего рывка,

это узорное остриё, пикнуть не успел. Глотку у него всю насквозь просадило, сам и попал сползая. Еще с земли он пытался отдернуться, но куда уже такой машиной в кожанке нормально двинуться.

Здоровущий, в куртке нараспашку, пузом по земле ездит и царапается всюю. Следом еще захрипел изо всех сил. Потом руки у него в стороны выдернуло, пару раз ногами в заданных штанинах дрыгнул, и в горле громко взбурькало,— тотчас весь дух и вышел на волю. Под своим деревом, куда, как в живой тир, загоняли для последнего вздоха Славу-разведку, и затих он в тусклом сумраке, не шевельнется.

А второй заезжий, лишь уразумев происшедшее, так во всю голосину рявкнул в эту минуту, словно на него временное помутнение нашло.

Огромные кулачищи с немалый капустный кочан сжимались и разжимались,— и, ничего не замечая, еще глазами во все стороны шарился.

Тем временем его младший собрат, уставясь в мобильный телефон, безостановочно снимал все подряд: похоже, тоже оцепенел.

Потом кареглазый, зачем-то быстро глянув вверх, встряхнулся и решительно ткнул указующим пальцем в сторону замершего Славы-разведки.

Тот у соседней сосны в своей ознобкой маломерной куртяшке и бровью не повел. После случившегося с главным из гостей, он попрыгнул, все так же не сводя застывшего взгляда от остальных приезжих. Весь в слух ушел: знал, что для него еще всё впереди.

А второй из оставшихся приезжих и места уже не находил, донельзя раскалился. Во что бы то ни стало, следовало немедленно стереть с лица земли этого старика, задуть его голыми руками. Чтобы о нём ни слуху, ни духу не было.

И, будучи совсем вне себя, второй кареглазый неожиданно, как зверь, вздыбился в полный рост, мимолётно заслонив собой остатки ненадежного осеннего света. И в несколько невероятных прыжков всей своей кожаной тушей обрушился на Славу-разведку, изготовившегося возле сучковатой сосны с кучерявой верхушкой.

Но Разведка снова удалось спастись, в очередной раз голову не подставит. Той же пружиной, что и впервозраку, его опять опережающе ненадежно в сторону. Стремительно и хлестко, точно оружейный затвор сработал. Такое раньше как дважды два получалось, он с малолетства был крепок в ногах. А теперь старость — не радость, и не устоял Слава-разведка на своих двоих, не сообразив, как и на земле очутился.

Думал, уже и не податься ему будет в этой снежной грязюге, когда шарахнулся от нападавшего, еле отпыскался. Едва еще и не зевнул напоследок, как на него кинулись, до нутра охватило.

В это время как раз и саму рощу мгновенно охлестнуло таким необъяснимым рёвом, от которого в пору и крови в жилах стыть. Уж не было ли сейчас кому-то последним часом на земле,— кого за живое не возьмет? А может, в этот день и вовсе смешалось небо с землёю на белом свете?..

Но Слава умом не потерялся и сразу хотел с готов на ноги вскинуться: и там он был готов любого рвать до последнего. А то и шевельнуться не успеешь, как добьют: такое без задержки делается, с умом давно бы придавили.

И зачем еще второй кареглазый рядом с деревом ткнулся впривалку и не двигается: то же в голову не идет, что с ним?.. Совсем на сосне висит, как пьяный, и шагнуть не может, даже не шелохнется. И почему-то вокруг похолодело ни с того ни с сего: кругом еле слышно сделалось, одна лишь луна сверху желтым пятном круглится.

В то мгновение вдруг и стало ясней некуда, что кареглазому не только не шагнуть,— отныне и вовсе не двинуться. Дошло до Славы-разведки окончательно, что нет его больше, а рядом с деревом лишь что-то темное осталось. В голове не укладывается: такое и думать,— никому не придумать, но и этому приезжему не подфартило.

На тот самый сосновый сучок, что был за Славинной спиной, и налетел чужой гость со всего разгону, лишь Разведка в сторону отдернувшись.

Тютелька в тютельку мужик и приложился, а прыгал он, будь здоров: попадись под горячую руку, и мокрого бы места не осталось. Больно ему со своими кувалдами не терпелось старика в порошок стереть, всё на свете забыл.

А на этом сучке, прямом и крепком, еще местная ребятня силой бахвалилась; в самый раз и находился на высоте человеческого роста. Правой стороной и всадились сюда второй приезжий. С полного маху, как на шампур, всем обличьем наделся.

Всё у него вместе с глазом и протекло с этого боку, только не впечаталось. Подобием чёрной маски стало, густую навесда залило. Как тогда всему нашему нутру здесь и не крикнуть, всю оставшуюся силу не вырвать напоследок?..

Но дальше Славе-разведке уже не дано было видеть, как самый младший из гостей с разгону пнул встававшего на ноги старика. И следом, отбросив свой ненужный мобильный телефон, которым он безотрывно снимал,— последний кареглазый без промедления вцепился в горло неподвижного человека, чтобы раз и навсегда покончить с тем, чего не смогли сделать оба приезжих.

Торопился: от этого непонятного старика можно было в любую минуту что угодно ждаться. Неужели с такими и совсем ничего не делается?..

А у Разведки уже и судороги начались, ноги по бокам запердегивало, а дыхание пошло на убыль, и стало тише, медленней.

Кареглазый, дожимая, сдвиг сильнее; и тотчас у старика предсмертно, в полную ширь, распахнулись неподвижные глаза на обветренном лице с редкой щетиной. В эти секунды Разведка и очнулся: внезапно дало в нос чем-то чужим, бритвенно полоснув всего его запахом немывтого тела и псины.

А кто-то неведомый, что давеча подмогнул у гаражей, и успел показать Разведке, как его добивали. Последний из приезжих, намотав на свой цепкий молодой кулак еще славинскую родительскую тесемку от нательного крестика, в яростной наклонке и докручивал ее на стариковской шее до последнего вздоха.

И тут, спаси и помилуй,— всё, что оставалось в Славе, ходуном заходило. Сжав пальцы в подобие лап, он с обеих сторон снизу вверх с такой силой долбанул на хлопок чужого по ушам, что тот, взвизгнув, пробой отлетел в сторону.

Похожее сравнится лишь с разорвавшейся рядом гранатой, в два счета можно оглохнуть. Кто повоевал на своем веку, лучше всех это знает. А пострадавший от подобных мероприятий, на время лишается воли, уже оставаясь не человеком, а полчеловека, такому не позавидуешь.

Не потому ли самый младший из гостей, после этого заполошно обежав павших товарищей, и устремился с вытаращенными глазами на дорогу к магазинным задворкам, где наискосок от запасного входа мерцала их огромная, не своротишь, чернющая машина.

И дальше, не давая себе отчета, он прыгнул на хозяйское место, сразу взяв такой разгон, что возле окружной кольцевой не справился с управлением, где его по первому снегу и выбросило на огромной скорости на саму обочину. Там, в скомканном, как ненужная жестянка, внедорожнике и обнаружили, кому это положено, последнего кареглазого.

У него, скорчившегося на огромном машинном сиденье, в разжатых от необъяснимого ужаса глазах, навсегда застыл самый настоящий страх.

А Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, и безотрывно манившего его отсюда, с голой земли и зябкого одиночества,— к себе, в долгожданный покой и отдых.

В ЛЕСНОЙ ТИШИНЕ

Приезд писателей в Тотьму был для нас, точно праздник. Об их приезде мы чаще всего не знали. Однако встречали их так, как если бы знали. Особенность всех тотьмичей в том, пожалуй, и заключалась, что самым любимым их местом в летнюю пору, где чаще всего они собирались, была вечерняя пристань, к которой причаливал плывший из Вологды пароход. Сюда, к пароходу, любил приходить и Вася Елесин. Я тоже редко когда пропускал его разворот, с каким он сближался с берегом Тотьмы, пестревшим от множества кепок, косынок, вихрастых голов, загорелых затылков, машущих рук, платочков и шляпок. Так был встречен однажды Сергей Васильевич Викулов, самый яркий певец советской деревни.

На той же пристани встретили мы и Василия Ивановича Белова, автора только что вышедшей книги «Знойное лето». Белов прихрамывал, и лицо его было угрюмым. Он ехал в командировку в Великий Устюг. И вот решил задержаться. Нам он сказал:

— Позднее уеду. Теперь мне надо прийти в себя.

Мы поняли: что-то случилось на пароходе. Белов открылся:

— Ссора была. С пижонами. Из-за песни. Они пели какую-то красивую чепуху на слова жидовских поэтов. А я потребовал нашу, русскую. И даже запел. И вот они на меня. Всей стаей... Не буду об этом и говорить. Противно. Сейчас бы мне, эх, настоящей лесной тишины. Может, подскажите: где она тут?

Мы рассмеялись:

— Да где же, как не в лесу!

Белов улыбнулся:

— Что мне и надо!

Сказано — сделано. Переплыв на пароме через реку, мы оказались на том берегу, где была проселочная дорога, которая нас и вывела в Красный бор, одно из красивейших мест в окрестностях Тотьмы.

День был чудесный. Мы с Елесиным приставали к Белову, чтобы он открыл нам, как это так у него в рассказах выходит соединение того, что случается в жизни сейчас, с тем, что было в ней, и что будет.

Белов поморщился:

— У вас и вопросы... Как у литературных светил. Вы это... выбросьте лучше из головы. Когда захочешь писать — запишется само. И о том, что вчера, и о том, что потом. И без всяких соединений.

Мы даже немного смешались:

— А как же тут быть?

— Никак. Просто жить! — ответил Белов и, выбросив руку вперед, спросил, как потребовал:

— Что вы там видите?

— Сухону.

— А там? — рука Белова вскинулась вверх.

— Облака.

— Опишите их состояние. По-настоящему опишите. Это и будет литература...

Право, около нас и над нами, было всё так обычно, в то же время и необычно. Большая река. А над ней? Уплывали одни облака. Приплывали другие, точь-в-точь строители, образуя на карте небес белопёрое государство. Так, наверное, и душа, сливаясь с душой, образуют счастливую территорию, где подобно всполоху над рекой, торжествует разверзнутое сиянье.

Уехал в Великий Устюг Белов через сутки. А мы, как и раньше с Васей Елесиным, вновь и вновь выходили к вечернему пароходу. Ждали счастливого продолжения. Как в Викулове, так и в Белове видели мы творцов огромной величины, умевших вздымать человеческий дух могуществом слова и слога. Одним словом, учились у них. И у них, и у классиков русской литературы, и у тех, кого мы искали, отправляясь в поездки по Тотемскому району, где всегда находили хранителей русского языка, чья богатая речь была, как книга, которую хочется жадно читать.

БУДЕТ ГРОЗА

Толе Мартокову

Летняя тёплая ночь. Была она тихой. Но вот что-то сдвинулось в ней. По стёклам мазнули первые капли. И ветер прошёлся по крышам, сдувая с князков ночующих птиц. А около леса, над краем деревни, развёрзлось, и в свете сверканья открылась

Сергей БАГРОВ

Бесплатный подарок

нора, как загадочный ход из небесного мрака на тёмную землю.

Кажется, будет большая гроза.

ДО УТРА ДАЛЕКО

Вене Шарыпову

Спит утомлённая Вологда, покрытая тёмными облаками. Ночь. До утра далеко. В облаках, словно кто их вспорол, обнажилась луна.

Не прошло и минуты, луна завладела кварталами города. Мёртвый свет её заиграл на битуме крыш, заскользил и по окнам, влетая в квартиры, чтоб по лицам заснувших людей угадать: кому не дано омрачить эту ночь? Кто заблудится в ней? И кого ожидает небесная слава?..

КРАСНАЯ ВОРОНА

Сереже Чухину

На острие вечернего луча, как на игле, летела красная ворона, и клин трепещущих осин, поляна с огороженным стожком и выступавшие из леса ивняки чуть-чуть приподнялись над сумраком земли, как

Василий Белов и Сергей Багров. Лето 1963 г. Красный бор за Сухоней, в трёх километрах от Тотьмы. Фото В. Елесина.

если бы встречали эту позднюю ворону, готова ей покой и отдых. Но птица, подогняемая огненным лучом, летела к тёмному востоку, очерченному высоковольтной линией, где на плечах опор, как на распятыях, сидели её дремлющие сёстры и думали о чём-то птичьим, с закрытыми глазами погружаясь в вороную ночь.

СТОЯНИЕ

Лёне Фролову

Надвигается туча. Она многослойна, темна и свирепа. Настолько свирепа, что разрывает себя когтями, из-под которых выбрызгивает огонь.

Молния, гром и ливень — высокие гении летней стихии. И мы перед ними невольно трепещем. И тянемся к ним с необъяснимой робостью и любовью.

С такой же любовью и страхом стоят обнаженные перед тучей укладистый стог и хрупкий цветок. Стоят, как хранители луга, которым нельзя уходить, и они не уйдут.

Всё, что предгигельно, то и прекрасно. Прекрасен взъерошенный стог и упругий цветок в их великом стоянии перед бурей.

У КУЗНЕЧИКА НА ПОЛЯНЕ

Саше Грязеву

Облака. Как они медленно, еле-еле перемещаются над землёй. Не облака, а столетия. А в столетиях тех — катаклизмы

и катастрофы, на обломках которых и продолжается наша жизнь — суетливая, с перепугом, как у кузнечика на поляне, по которой пустили с утра косилку, и ему от нее никуда уже не сбежать.

УЛЕТАЮЩИЙ ЛИСТ

Лёне Беляеву

Уносит листву гуляющий ветер. Куда она понеслась, золотисто забрызгав прогалы осенних берез? Глядишь на нее, как влюбленный, чья жизнь так легка, так сиятельна, так воздушна, что, кажется, вместе с листвою улетаешь и ты. Куда улетаешь? Туда, разумеется, где ты не был и, где тебя ждут самые нежные, самые дорогие. Ждут, как вестника жизни, в которой когда-то значились и они, пока их в свои палестины не позвала безмятежная вечность.

ЧЕСТНЫЕ И СВЕТЛЫЕ

Александру Романову

— Где сегодня честные?

— Неизвестно.

— Где сегодня смелые?

Василий Белов и Сергей Багров. Лето 1963 г. Красный бор за Сухоней, в трёх километрах от Тотьмы. Фото В. Елесина.

— В коммерсантах.

— Ну, а эти, светлые?

— Светлые в народе светятся печалью.

БЕСПЛАТНЫЙ ПОДАРОК

Юрию Ледневу

...Ты живой! Разве этого мало? Ведь такое дано на земле только тем, кого смерть обошла стороной. Почему мы не ценим того, что глядим на восход? Слышим гром? Пожимаем друг другу руку? Почему мы всегда чем-нибудь недовольны? Почему нам всегда чего-то не хватает? Ты живой! Это так удивительно! И за жизнь свою никому не обязан платить, потому что тебе подарили ее бесплатно.

ПОД ПРИГОРКАМИ И ГОРАМИ

Василию Белову

Трава и кусты косогора, тропинка и поле овса окунулись в зеленые сумерки, хотя был еще день, на который с небесной кровли угрюмым сплошняком навалились пригорки и горы синюющих туч. И земля, безнадежно темнея, приготовилась вытерпеть грозное нашествие. Пронеслась, как змея, поднебесная молния. Хлынул дождь, по которому, как на взмыленной кобылице, прокатился тяжелый гром. И как только он стих, из-за ближних берез с сумасшедшим порывом выскочил ветер.

Снова молния. Снова гром. По родившемуся ручью, окунаясь, поплыли

красные шляпки чертополоха. И земля, приходя в сознание от испуга, вдруг почувствовала в себе необычную бодрость и радостное движение, с каким потянулись куда-то кверху все ее корнеплоды, корни и корешки. «Этого мне как раз сегодня и не хватало»,— вздохнула она, благодарно блеснув всеми своими ручьями и лужами на пригорки и горы несущихся туч.

ПЕРЕД СТАРЫМ ДОМОМ

Кругом — непримиримость, зависть, бестолковщина, жестокость, суета, а я задумался о счастье.

Мы постоянно гонимся за ним. А счастье около. Быть может, вон оно, на луговине, перед старым домом, где летят в окна чистый свет и шелестит на дереве прохладная листва, да крошка-воробей, согнув головку, чистит под коротким крылышком свой воробыный бок.

Синеет вечер. За двумя дворами бухает в колодец звонкое ведро. Из огорода потянуло фенхелем и огурцами.

Я слушаю, вдыхаю и смотрю. Все лучшее, что совершается сейчас в зеленом мире, придвинулось ко мне. Я счастлив, как никто!

НА ОЗЕРО ВО́ЖЕ

Васе Елесину

Касаясь собою черного бархата небес, пролетают в мерцании звезд над чужой стороной вожегодские журавли. Запах Африки — где-то вдали. Впереди — осиянные внешней водой моховые болота и озеро Во́же.

Это родина, где под каждым кустом и деревом — дом. Но до родины, как до пятого государства, ой, как долго лететь — над Непольскими садами, над туманами Курских степей, над дубравами Подмосковья.

Слышен плач, словно кто-то зовет на подмогу с небес, скрытых серыми облаками. Отчего этот плач? Может быть, от огромной тяжести туч на усталых крыльях? Может быть, от знобящего ветра?

Нет! Рыдание это от яростной воли, с какой журавли продолжают свой путь, хотя он в эту полночь и невозможен.

ДОГОРАЮЩИЙ ДЕНЬ

Какие веселые ласточки, как они резво летают, радуясь теплему воздуху, небу и тишине!

Какая красивая женщина, как идет она, плавно неся коромысло с ведрами светлой воды!

Какой изумительный вечер, как он смущенно остановился напротив тающей тучки, вплывающей в алые сени заката, словно в будущее свое!..

НА ЗЛОВЕЩЕМ КОНЕ

Гляжу на икону, где Егорий-Победоносец поражает копьем ползущего гада. И досаду, что копье у него оказалось неточным. Гад живет и поныне. Он в могуществе и расцвете. И не ползает, а летает, как сиятельный князь на дивном коне. И в руке у него копье, которым он норовит ударить Егория, оказавшегося по земле.

Подумись, святорусский Егорий! Не повально быть воину на карачках! Встреть копье, как встречают судьбу.

НУ, КУДА ОН?..

Коле Дружининскому

Над черным лесом, по вечеру, от холма к холму одиноко скользит рассеянный луч. Ну, куда он такой, торопливый и тоненький? Там же мрак, и дороги оттуда ему уже нет.

Мчитса луч, протыкая потемки точеной иглой, за которой колеблется нить — золотая и нежная, как предгигельная надежда.

Над вечерней землей, в мрачноватом спокойствии перелесци, как от доброй улыбки, чуть-чуть светлеет, и кому-то опять очень хочется жить.

В ВЫСШУЮ ЖИЗНЬ

Любовь — это голос из бездны Вселенной, зовущий к чудесному подвигу, совершая который, ты врываешься в высшую жизнь, где себя ощущаешь близким с Богом...

БЛАГОДАРЮ!

Мороз и солнце!.. День такой чудесный, что думаешь: его послал тебе сам Пушкин. И ты возносишь гения, как Бога, в руках которого всё самое достойное,— до трепета приветливое и родное, вместившееся в душевно-русское: «Благодарю!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ прошел двухдневный (4–5 апреля 2014 г.) литературный учебный семинар, который начался общей встречей для устюжан «Я живу на родной земле». Она состоялась в актовом зале Великоустюгского гуманитарно-педагогического колледжа.

Руководители семинара стали четверо вологжан: председатель правления Вологодского отделения Союза писателей России Михаил Карачев; наш земляк-устюжанин, доктор филологических наук, профессор, лауреат литературных премий Виктор Бараков и два прозаика – Виктор Плотников и Александр Цыганов, оба – также лауреаты различных российских литературных премий.

Гости привезли уникальные видеозаписи с писательских встреч, сделанные в 1970–1980-е годы. С черно-белого экрана смотрели, улыбались ныне уже ушедшие вологодские классики – Василий Белов, Николай Рубцов, Александр Романов, Виктор Коротаев и многие другие, чьи имена хорошо известны почитателям литературы.

Надо сказать, что нынешний приезд в Великий Устюг писателей стал возможен благодаря поддержке депутата Законодательного собрания области Николая Егорова – человека, с должным уважением относящегося к культуре вологодской земли. Активное участие в организации этого мероприятия, как всегда, принял директор колледжа Сергей Копылов, искренне заботящийся о нравственно-эстетическом

ВЫЕЗДНОЙ ПИСАТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР В ВЕЛИКОМ УСТЮГЕ

воспитании своих студентов и известный дружеским отношением к художникам и писателям.

Ну, а после встречи началась работа – разбор рукописей.

Услышать оценку своих творений решились четырнадцать авторов (хотя заявлялось куда больше), в их числе – трое студентов колледжа и трое гостей – Леонид Лешуков из Никольска, Надежда Слободина

из Тотьмы и Сергей Дорожковский из Кичменгского Городка.

Стихи оценивали Михаил Карачев и Виктор Бараков. Благожелательно отнеслись мэтры к стихотворчеству студенток колледжа Анны Екимовской, Натальи Павловой и Александры Фурсовой. «Перспективы есть, писать надо», – было сказано девушкам. Добрые наставления даны устюжанам Ивану Ларионову, Татьяне Тесаловской.

Виктору Баракову больше всех из представленных на семинар понравились стихи Надежды Слободиной. Три десятка великолепных стихотворений нашел Михаил Карачёв у Сергея Дорожковского, при этом руководитель очень негативно отозвался об остальных его стихах, присланных на семинар. В творчестве Леонида Лешукова была отмечена энергия и мощь, но дан совет – учиться управлять этой энергией.

Прозу «разбирали по косточкам» Виктор Плотников и Александр Цыганов. Тут надо сказать, что устюжане удостоились серьезной похвалы профессионалов.

Высоко оценили писатели работу корреспондентки «Советской мысли» – Антонины Смолиной и ее умение пользоваться словом. Остались в восторге от языкового богатства и великолепного воображения Любови Даниловой. Признали достоинства представленных на семинар рассказов и повестей Юрия Опалева и воспоминаний Татьяны Ядрихинской. В один голос похвалили сказки для детей Ольги Кульневской.

Что ж, одобрение профессионалов – хороший стимул для дальнейшего творчества самостоятельных авторов, а разбор недостатков – повод для совершенствования и роста.

На фото: руководители и участники выездного писательского семинара в Великом Устюге. Апрель, 2014.

О. КУЛЬНЕВСКАЯ

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Сергей ДОРОЖКОВСКИЙ

Вечерами ближе к августу
Звон кузнечиков слышней.
Ты уже не с прежней радостью
Ожидаешь ясных дней.

Увяданием повеяло.
Доцветает зверобой...
И ромашек море белое
Уж как будто не с тобой.

И такое одиночество,
И такая пустота –
На душе, что вдруг захочется
В незнакомые места.

В те места, где лето длинное,
Где утраты коротки,
Чтоб не видеть вовсе зимнее
Это поле у реки...

Надежда СЛОБОДИНА

Звезды в небе
Синие-пресиние,

На ладони –
Дольки апельсиновые...
Сколько с той поры
Мелькнуло вёсен,
Может, пять,
А может, целых восемь.
Всё забыла,
Помню звезды синие,
На ладони –
дольки апельсиновые.
Ты их осторожно
брал губами,
И сужалась пропасть
между нами.
Помню город,
закоулки снежные.
И ладонью помню
губы нежные.
Нам светил звезды
тончайший лучик...
Знаешь,
Я не помню ночи лучше.

Анна ЕКИМОВСКАЯ

ЛЖИВЫЕ СЛОВА

Ты сказал: «Я никому не отдам»,
Ты сказал: «Я никогда не предам»,

Ты сказал: «Я умчусь далеко»,
Ты сказал: «Будет мне нелегко»,
Ты заставил поверить в слова,
Но они улетели, возникнув едва...

Татьяна ТЕСАЛОВСКАЯ

...Стихи рождаются
С щемящею тоскою.
Боюсь за них –
Они умрут со мною,
Не читаны, не поняты тобою...

Елена ВИНОГРАДОВА

Полюбила б я тихий жасмин,
Плач колодца под песню калитки,
Чай с лимоном, уютный камин
В украшенье ракушки-улитки.

Полюбила б я кроткий жасмин,
И ночник, и мерцанье лампадки.
И в подвале брожение вин,
Ореол абажурный, и глядки.

Полюбила б я нежный жасмин,
Целовала бы цвет недотроги.
Ворковала бы, тешилась с ним,
...Да репейник стоит у дороги...

Андрей КЛИМОВ

МАСЛЯТА

Перешла
Мою дорогу птица...
Это, друг, наверное,
К добру:
В той дали,
Где можно заблудиться,
Я грибов корзинку наберу.
Я вернусь домой
Без приключений,
Без суровых окриков
И встреч,
Придавив к земле
Лесные тени,
Что, устав,
Решили здесь прилечь...
Я вернусь,
Оставив в ямах иней,
Но найду местечко для маслят.
Боже, боже,
Как они, родные,
Под сосной от холода
Дрожат!

Антонида СМОЛИНА

ХЛЕБНЫЙ ЗАПАХ
МОЕЙ РОДИНЫ

...Во времена, когда я еще ходила пешком под стол, в доме нашем нередко собиралось много гостей. Среди них всегда особо привечались жители Загарья, родной бабушкиной деревни, что в восьми километрах от нашей. Собираясь по вечерам вокруг пузатого самовара, вспоминали они былое, вновь и вновь перебирая «всяко ранешное». В их излюбленных былях передо мной, будто наяву, оживали картины, на которых взлетали колодезные журавли над плетеными изгородями, шеголяли узорными ставнями высокие дома-пятистенки, звенели юными голосами широкие улицы. Мне доводилось бывать в их деревне, но не было там ни высоких домов, ни глубоких колодцев – лишь пара осевших по самые окна изб, да трава по пояс...

Сегодня, взглядывая в родные просторы, я понимаю, что и мои внуки наверняка с недоверием будут слушать мои рассказы. Числится пока населенным пунктом наше Горбачево. Стоят как-то старые избы, живут еще в незнакомые прежние соседи, но нет уже той деревни, в которой я выросла и бегала по проселку в ситцевом платице.

Все чаще и чаще я пытаюсь воскресить в памяти счастливые мгновения детства.

Вот вижу себя совсем маленькой девочкой. На дворе весна, солнце щурится сквозь дымку майских облаков, а я бегу

вприпрыжку по широким деревянным мосткам на пекарню за свежим хлебом. Щемит в груди от радостного ожидания: распахнется низенькая дверь, обдаст меня внезапно хлебным жаром.

Кажется, сам ветер несет меня, как в замедленной съемке: полонится на ветру пестрая юбка, сшитая бабушкой, а красная кофта с такими рукавами, что шаг еще – и я взлечу, взмахнув красными крыльями... Но... Затянуло бурьяном то укромное место на берегу ручья Шапово, где когда-то дымилась высокой трубой пекарня. Растаял за кронами осин дразнящий запах свежего хлеба...

Воспоминания нахлынули, и я хватаю ручку и бумагу в надежде поймать мимолетную картинку, запечатлеть в словах некогда испытанное счастье. А слова не идут.

Эх, хороша была моя деревня, людная, дружная, веселая! «Была», – затеняет всю строчку роковой глагол. И теряются за ним перебор раздольного сенокоса, шелканье кнута и надсадный скрип телеги под ношей сена с дальнего покоса.

Мне хотелось бы написать о том, как вырастает новый дом на пригорке у колодца. День за днем под перестук топоров из запаха смолы и кучерявых стружек все выше и выше тянутся рубленые простенки, пока не поднимется он, стройный красавец, во весь рост, подставив солнцу острые грани новенькой крыши.

Да, и ах! Рядом с тем колодцем затянуло жгучей крапивой свежее пожарище. Пьяный сосед на ночной пирушке подпалил избу и сам сгинул вместе с ней. В общем-то, и не его была та изба. Когда хозяин ее

помер, с десяток лет тужила она, оставленная на произвол судьбы... Вот и приткнулся к ней случайный человек.

Уже покосилась банька, опаленная пожаром. Обомшела полегшая изгородь. Лишь обметенная огнем калитка не хочет сдаваться. Зацепилась за столб проржавленной петлей и все скрипит на ветру, будто всхлипывая. Тлен и забвение... Воспоминания то уносят меня в прошлое, то, как в кино, смешиваются с реальностью...

Не представляю наш дом без хлопотуны бабушки. Старушка моя, я все помню: твой добротный двор с хороводом рябин вдоль ограды, и беспокойных овец, от зноя забившихся в угол, и толстого пастуха, охрипшего малостью от собственной важности...

Гляжу, а колодец-то мой никак помолодел с последней нашей встречи?.. Скинув ветхий деревянный сруб, оделся в прочные бетонные кольца и будто подбоchenился. А нахлобучив шиферную крышу, совсем заважничал. Топчется рядом с ним прежний приятель – журавель, тянет просительно длинную шею, да не под стать колодезному «франту» водиться с долговязым. Зачерпнув колодезной водицы, хлебну, как прежде, из немеющих ладошек и побреду дальше – мне ли судить заспоривших друзей!

Ноги несут меня той же дорогой, но глаза не признают прежние места. Уже совсем неразличимы тесовые мостки вдоль забора, выставленные когда-то заботливой рукой до самой околицы. Одичалый малинник тянется из запустелых огородов. И кажется, что каждая изба внимательно

следит за мной из-под старых черемух, чуть грустнее оттого, что я прохожу мимо ее калитки. Чудится ли мне, но в их потемневших окнах я словно читаю немые укоры.

Так же глядела на мир однорогая корова Малька, когда хозяйка отправляла последнюю кормилицу на убой. Баба Валя, в распахнутой синей фуфайке и валенках на босу ногу, суежилась вокруг нее, то подкладывая ей сена, то потчюя теплой пшеничной горбушкой, то просто охаживая широкой натруженной ладонью ее крутые бока.

Малька стояла посреди двора на вытоптанном, подмерзшем мурог и покорно жевала предложенный ломоть, а в глазах ее затаилось нечто бездонное. Старая хозяйка снова и снова придумывала себе «работу», оттягивая час расставания, и не в силах выдержать коровий взгляд...

Когда-нибудь, наверное, я расскажу своим внукам о волшебном месте, в котором выросла. Но, сидя на покатом склоне среди травы, среди россыпи ромашек и земляники, не уверена, найду ли нужные слова...

Я проведу их вдоль говорливой речки Шарденыги, по узким тропинкам, пахнущим клевером и дикой мятой. Расскажу моим родимым, как ветер гонит золотую волну на ячменном поле. Покажу, как сосны на высоком Тайкином угоре щекохот вершинами облака.

Пусть сегодня уже не представит, как всё беспечно цвело на забытых угорях деревни, но никогда не зарастут дороги, ведущие к ним. Ибо лежат они не на старых архивных картах, а в сердце каждого из нас.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Ольга ФОКИНА

ЧТО Я ВИЖУ ИЗ ОКНА?.. НОВЫЕ СТИХИ

Что я вижу из окна?
Вот — с дитём — идет она,
Мама очень юная,—
Очевидно, трудно ей
На руках дитя нести...
Сколь ему еще расти.
Мучить маму бедную,
Прежде, чем забегает!
Мама в талии тонка,
Не крепка ее рука,
Каблуки высокие
На ходьбе неловкие.

Не дорога,— голый лед!
Сбоку дует, сверху льет...
Упаси, Бог, с ношею
Мамочку хорошую!

Остановились на дороге
И говорят, и говорят,
И на морозе стынут ноги,
Но не кончается заряд
Поднакопившихся событий,
Необсуждённых новостей!
Поток прохожих всё сердитей,
Но им, двоим,— не до людей:
Они, возможно, не видались
Десятка два тревожных лет,
И вот внезапно повстречались!
И разбежаться — мочи нет...

Молчите, «гении», молчите!
Убеждена — в который раз! —
Важнее — доктор и учитель:
Всё — нам до них, не — им до нас.

У них рутинная работа,
С утра до вечера всё то ж:
То наш инфаркт, то наша рвота,
И нам здоровье вынь-положь!

Мы нервны, мы эгоистичны,
Нетерпеливы, злы, бедны,
А доктора — милы, тактичны
И всем и каждому — должны.

И словно время их не старит,
И словно их недуг не ест...
Они — как слуги, мы — как баре.
Как им и нам — не надоест?!

Министрам да артистам,
Похоже, можно всё,—
Речистым, голосистым,
Бескомплексным,— везет!
Лакейские повадки,
Подделки «а ля рус».
У них и взятки — гладки,
И преступленья — в плюс!
И заумь — гениальность,
И наркота — доход,
И Родины летальность
Их вовсе не убьет.
От них торговцам — прибыль,
Иное — пофигизм!
Молчите, типа, ибо
Кругом — капитализм!

Татьяне Решетовой

Слова любви — они не вянут!
Ни в зное дней, ни в стуже лет...
«Ужель та самая Татьяна?» —
Воскликну, Пушкину вослед.

— Она, она! Её явление
Из глухоты, из немоты,
«Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

Теперь её воспоминаньем
Его стихи оживлены.
И «золотое имя Таня»*
С Татьяной Лариной — дружны!

Что ни день, то — новости в России!
Бросит в жар,— откинёт в холодок:
Валентина Гафта воскресили,
Вместо Гафта умер Починок.

Пострадала Шаврина — певица,
Но зато у Аллы — двойнички!
Не успеешь вздрогнуть-удивиться,—
Весть другая рвёт тебя в клочки.

Это — жизнь! Впитав Олимпиаду,
На-рысях заскакиваем в Крым,
Ибо — свой! Чужого нам не надо!
А своё назад не отдадим.

Зябко:
Осень! —
Шапку —
Оземь —
Деревцо...
Оземь —
Шапку —
Очень
Зябко!
Дождь — в лицо.
В стоне —
Ствол,
В ознобе —
Корни,
В ветках —
Дрожь...
Надо б, мол,
Другое помнить:
Лето!
Рожь!
Зной полдневный
Над деревней,
Сенокос...
Ты — царевич!
Я — царевна!
Где?! —
...Вопрос.

* Стихи Н. М. Рубцова.

НАШИ ГОСТИ

ЛИБЕРАЛОМ быть легко: везде свои. Либералом быть хорошо: он и сам за всё хорошее.

Либерал не любит мрачное, суровое, марширующее. Горн, барабан, дробь. Картечь, государеву службу, «Катюшу». Марфушу, крестьян сиволапых, берёзки. Почву, кровь.

Во всём этом либерал задыхается.

Во всём этом душно, как в гробу.

Он кривляется не от злобы, а от муки: ему и правда невыносимо. Вокруг него всё время как бы настраивается оркестр, только вместо струнных и духовых танковые дула, березовые полешки, строчка из Есенина, русское самодовольство, щи кипят и пахнут.

Россия со всем её бараклом — куда она годна? Избы, заборы, Байконур за пограничным столбом. Привычка чесаться всеми когтями, дружить с сатрапами, тосковать по тиранам. Советская литература, попы на джипах.

В нашем скудном понимании хороший русский человек — он как дерево. Деревья не умеют ходить. Вцепились в свою землю, как мертвецы. В голове — воронье гнездо. Ждут лесника, но, кажется, приближаются браконьеры.

Либерал уверен, что наступили иные времена и в эти времена войдут только избранные. Те, кто не потащит за собой хоругов, телеги со скарбом, почву, ворон в голове.

То есть только он — либерал — войдёт в новое время. Как бы голый. Другим он тоже предлагает раздеться: оставьте всё, пойдёте за мной голые, без вашей сохи, атомной бомбы, имперских комплексов.

И вот ты оставил всё, пошёл голый, прикрываешь срам, двух рук мало: срам повсюду: ты сам по себе — сплошной стыд и срам. Сморгнул глазами — и вдруг выясняется, что тебя обманули. Он-то одет, наш новый друг! Он-то вовсе не голый, но, напротив, наряжен, заряжен, поводит антеннами, настраивает локаторы, сканирует, всё сечёт.

У него, загибаем пальцы, хартия о правах. У него экономическая целесообразность. За ним — силы добра. У него честные глаза, неплохой английский. И даже русский лучше вашего — а вы и родным-то языком владеть не умеете, лапти. «Вот смотрите, как надо» (наш друг замысловато делает языком, мы внимаем, зачарованные).

Он всего добился сам, это только мы взяли взаймы, отняли, украли. Это у нас история рабства, пыток, кнута, а у него, представьте, есть своё собственное прошлое, память о нём, боль. У нас пепла, который стучит в наше сердце, — нет, а у него есть, и его пепел более пепельный. Наш мы

Почему я не либерал

уже развеяли, а его пепел остался — и лишь о нём имеет смысл вести речь. Говорить про наш пепел — оскорбительно, в этом определённо есть что-то экстремистское.

Его история мира всегда начинается с «европейского выбора». Пока нет «европейского выбора» — вообще никакой истории нет, одни половецкие пляски и соловьиные казни.

«Европейский выбор» — это как десерт в хорошем доме с высокими ступенями и просторной гостиной без мух. К десерту норовят дотянуться грязные крестьянские дети — руки в навозе, ногти не стрижены, загибаются, как у Бабы Яги, сопли засохли на щеках, трусов под портами нет: это мы.

Ну-ка быстро идите оттирать сопли, причёсываться, отмывать своё национальное превосходство, гой ты русь свою святую, хаты, в ризах образа, гагаринскую улыбку, звёздочки на фиюляже. Иначе не будет вам мороженого с ванилью, шоколадного штурделя, так и будете грязным скотом, как последнюю тысячу лет.

То, что для хорошего русского человека в его убогом ценностном мире «европейские ценности» стоят на сорок шестом месте, сразу после картошки в мундире и сметаны с луком, означает, что он вообще не человек.

Быть может, он рогатина. Им можно пойти на медведя.

«...началось,— протянет либерал,— опять про медведя. Кто вас хочет завоевать, прекратите. Кому вы нужны вообще?»

Мы никому не нужны, да. Но чего ты здесь делаешь тогда? Может, мы тебе нужны? Или, с чего-то вдруг, должны?

Ничего, что мы на «ты»?

Ты ведь с нами с первого дня на «ты», и ничего, терпим, слушаем.

Россия построена ровно затем, чтоб пришёл либерал и сказал, что с ней делать. Он, правда, так думает. Это как бы стоит королева, а внутри королевы живёт какое-нибудь живое существо много меньше размером, отчего-то уверенное, что оно наездник и сейчас поскачет на короле верхом.

Оно рассказывает короле, что внутри у неё сыро и неприятно, никакой цивилизации.

Либерала несколько не смущает, что в целом русская светская культура либерала не любит. Русскую светскую культуру тоже можно приватизировать, взять на вооружение то, что нужно, остальное не замечать.

Автора текста «Клеветникам России» в Фейсбуке затоптали бы. Гоголя слили бы. Лескова засмеяли бы. Толстого бы с его «русским мужиком», на которого он так хотел быть похожим, тихо обходили бы стороной: чудит.

Либералы странным образом возводят свою генеалогию к Чехову, иной раз Акунин посмотрит на себя в зеркало и видит Антона Павловича, но и представить страшно, как Антона Павловича воротило бы от нынешних его наследников.

Спасибо Чехову, он умер.

Спасибо Блоку, он умер.

Спасибо классикам, их нет.

Теперь мы точно знаем, что «Бесы» — это про большевиков, а не про либералов, и вообще Достоевского мы любим не за это (а за что?).

Либералы так уютно себя чувствуют во главе русской культуры, что в этом есть нечто завораживающее. Собрали в кучу чужие буквы, построили свою азбуку, свою мораль, своё бытие.

Теперь люди смотрят на знакомые буквы, читают, вникают — всё вроде то же самое, что у Пушкина, а смысл противоположный. Как же так?

Попробуйте набрать из этого букваря «Клеветникам России», получится абракадабра. «Каклемтивен Сириси». Лекарство, что ли, такое?

...находясь во главе, а считают, что им нет места.

Нет места, но при этом они повсюду.

Либерал сначала сказал, что он интеллигенция, а всю нелиберальную интеллигенцию объявил «свиным рылом». Потом заявил, что он «тоже народ». Подумал, и добавил, что он и есть народ. Остальные уволены.

Либерал наверняка думает, что он — оппозиция, но он — власть. Власть может думать о себе всё, что угодно, но она тоже либерал. Одни шарлатаны делают вид, что хотят завоевать свободу, другие шарлатаны делают вид, что её отнимают. Чем заняты в этот момент их руки, никто никак не поймёт. Но если схватить за локоть либерала, выяснится, что это локоть манекена, а настоящая рука у вас в кармане.

Либералам вечно затыкают рот, но слышно только их. Если кто и затыкает кому рот, так это один либерал затыкает другому.

Но слышно даже, как они брезгливо молчат.

Выросло целое поколение детей, которое уверено, что Россия — это глобальный косяк. В том смысле, что она всю свою историю косячит. Хотя, в принципе, её можно и скурить.

Это либерал, наш любезный гуманист, сам уверен и других приучил, что мы умнее всего нашего прошлого. Мы! Которые, по сути, умеем быть только мародёрами.

Отныне мы в курсе, что ветеран — это старая и глупая обезьяна в медальях, тем более что и медали — не его. Что счастья не будет, пока не вымрет «совок», а совок — это всякий, кто не либерал. Что сто лет мы занимались всяким кровавым бредом, в то время как делом надо было заниматься, делом.

Посмотрите, как всё ладится в руках у либерала. Как у напёрсточника.

Либералы хотели вырастить нам человека, который взыскует правды, а вырастили человека, который знает, что всё — ложь.

Хотели вырастить человека, который рефлексирует и сомневается, а вырастили толпу, которая куда более внушаема, чем толпа эпохи позднего тоталитаризма. А то и раннего.

Как давно и верно заметили, в те, трупным ядом пропитанные, времена люди говорили неправду и блажь, зная, что говорят неправду и блажь, а либерализм добился того, что ныне человек, говоря неправду и блажь, уверен, что говорит правду. Ибо он — в тренде!

Тренд — это вам не генеральная линия партии, это серьёзная штука, выжигает мозг как напалм.

Уже говорил и повторю снова, что мечтал о мире, описанном в книгах ранних Стругацких. Но нас, чтоб мы не угодили в книги поздних Стругацких, увели туда, о чём никакие Стругацкие не догадывались.

В нашем новом либеральном мире нет идеализма, самоотречения и мужества — но есть ставка на субъективизм и самооценку индивида со всеми его странностями, а также мужеложство, зачем-то возведённое в идеологию сопротивления и свободы.

Вместо ставки на преодоление человеческого в себе, получили право пестовать в себе всё самое скудное, низменное и подлое.

Каждый имеет право на всё, и только мрачное большинство должно заткнуться и молчать, а то ему не достанется десерта.

...грязные, корявые дети, утритеесь: ваш десерт уже съели.

Идите по своим из-бам.

Не слушайте чужих сказок. Вспоминайте свои.

Захар ПРИЛЕПИН

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Александр РОМАНОВ

Александр Александрович Романов родился в 1930 году в дер. Петряево Сокольского района Вологодской области. Окончил местную школу, затем Вологодский педагогический институт, позднее Высшие литературные курсы в Москве. Автор более двадцати книг стихов и прозы, из которых особо следует отметить книги «Русь уходит в нас», а также том «Избранного», составленный из лучших стихов поэта. Член Союза писателей с 1959 года, А. Романов стоял у истоков создания Вологодской писательской организации. Одиннадцать лет он был ответственным секретарем организации, долгое время входил в приемную комиссию Союза писателей. Именно при Александре Александровиче Романове Вологодская писательская организация приобрела тот авторитет, который и сегодня позволяет ее считать одной из ведущих писательских организаций России.

Над жизнью, над смертью,
над болью...

* * *

Василию Белову

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого заvara
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиной,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу завернем...
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся...»
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Чем на Севере у нас...»
Утро медленно краснеет.

Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал.
Он шагает нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

* * *

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!»
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно:
Улочка, снега, рассвет морозный
И твое кудрявое окно.

Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадок сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

КУСТ ИВАН-ЧАЯ

Он отраженьем с берега возник.
Река текла, на облаке качая,
Как будто рыбий розовый плавник,
Куст иван-чая.
Нам приглянулось место. Мы легко
Втащили лодку на мысок песчаный,
И встретил нас веселым костерком
Куст иван-чая.
Палатка зеленела. Дым синел.
За лугом птица странная кричала.
И нам тянул пучок лиловых стрел
Куст иван-чая.
Я лесом, рыбой и травой пропах.
С тобою был как прежде, как вначале,
И трепетал жар-птицею в кустах
Куст иван-чая.
Мы уходили к вянувшим стогам,
И весело за нашими плечами
Узоры вышивал по облакам
Куст иван-чая.
Когда же день за ельниками тух,
Взлетал, туманы белые встречая,
Как будто красный молодой петух,
Куст иван-чая.

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы темно-синие тучи
И красные тучи рябин.
В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охапками крупные гроздьи
В разломы и окна небес.

Рассеются темные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Ещё ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.

Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.

Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,

Над теми, кого уже нет.

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу, расстроюсь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознания — совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч.
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них шемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он просекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горесть,
Из встреч, растрепанных уже.
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.

* * *

Распахнул весеннее окошко

В лепет листьев, в теплую струю.
Солнышко погладило ладошкой
Снеговую голову мою.

Ожил я от золотистой ласки,
Будто годы жизни превозмог
И бегу опять в луга, в подпаски,
Будто вновь я звонкий паренек.

Так легко мне! Жизнь еще в начале!
Но внезапно обожгла тоска:
Люди паренька не замечают —
Видят лишь седого старика.

И напрасно мучиться обидой,
Что в сиянье молодого дня
Я бреду, как всеми позабытый,
Будто нет и не было меня.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

СТРАННЫЙ ПАМЯТНИК

В минувшем году в Вологде открыт памятник Джозефу (Юзефу) Конраду, английскому писателю польского происхождения. Вроде бы, нужно радоваться, что наш город украсился ещё одним произведением искусства. Но радости нет. Ведь памятник имеет одну цель: увековечить в сердцах людей память о человеке, создавшем нечто выдающееся, прославившее город или страну, в которой он жил. Что же выдающегося совершил Конрад во имя Вологды, каковы его заслуги перед городом?

Говорить об этом неловко, но представьте себе: заслуг никаких нет. Столь же ничтожен и его вклад в историю русской культуры.

Отец Конрада — участник польского мятежа в 1863 году, сосланный в Вологду. В ссылке с ним жил его сын. Если эти годы считать заслугой, то все перекрёстки и площади Вологды должны быть в памятниках. Мало ли кто прожил у нас в ссылке.

Применительно к памятнику, следует отметить немаловажную деталь, о которой часто упоминают в мемуарах современники Конрада, как русские, так и поляки. В советское время эта деталь считалась заслугой. Нынче же, в эпоху нескрушимой толерантности, о ней предпочитают помалкивать. Дело в том, что дети участников польских мятежей против

русского государства, воспитывались в атмосфере непримиримой враждебности и даже ненависти к России, Царю, и русскому народу. Наиболее известный пример такого воспитания, — Ф. Дзержинский.

Тем более что Конрад на памятнике изображён не в мальчишеском возрасте, когда взгляды и пристрастия не сформировались в душе, а человеком взрослым, со сложившимся мировоззрением. Так что, скорей всего, наш город получил монумент человеку, мягко выражаясь, дружественных чувств к русскому народу вообще, а к Вологде конкретно, не испытывавшего.

Сооружение памятника Д. Конраду в Вологде, это результат не признания его заслуг перед городом, которых, повторюсь, не было, а политическая акция, дружественный шаг в отношении Польши. Но когда же Польша начнёт делать дружественные шаги в отношении России? Когда, например, покается за тысячи замученных военнопленных красноармейцев после войны 1920 года? Когда восстановит памятник И. С. Коневу и вернёт ему звание Почётного гражданина Кракова и т. п.

И опять-таки никто не спросил вологжан: нужен нам этот памятник или нет, ведь 99% горожан понятия не имеют, кто такой Конрад? Что же, — скажут мне, — теперь будут иметь. Но, согласитесь, это не повод для воздвижения памятника.

Вдвойне непонятны мотивы открытия памятника Д. Конраду потому, что в нашей Вологодской истории есть поляк, который действительно потрудились по славу наше-

го города. Это губернатор С. Ф. Хоминский, первый Почётный гражданин города. О памятнике ему речи не идёт. А жаль.

НЕУМЕСТНЫЕ
АПЛОДИСМЕНТЫ

В последние годы в нашу жизнь начали проникать явления, глубоко чуждые русской национальной культуре. Приходится наблюдать такое, что было немыслимо лет 15–20 назад.

На похоронах известной актрисы, после прощания в московском Доме литераторов, гроб с телом вынесли на улицу, и тут раздались аплодисменты, и даже крики: «Браво». Мой знакомый пошутил: «Хорошо, что не бис!»

Всякий раз, когда слышишь подобные аплодисменты, становится не по себе. Из смерти делают забаву, шоу, или по-русски, — зрелище.

Никогда на русской земле не провожали человека в последний путь аплодисментами. Провожали панихидами, заупокойными молитвами, сорокоуствами и т. п.

Откуда же появился этот обычай? Из Европы. А мы же изо всех сил стремимся войти в семью цивилизованных народов, как же нам отставать от Европы. Вот и появились у нас аплодисменты.

Европейский обычай провожать покойника аплодисментами уходит в древность. Откроем Светония Транквилла, прочитаем жизнеописание Августа:

«В свой последний день... он (Август — Р. Б.) спросил, как им кажется,

хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнёс заключительные строки:

«Коль хорошо сыграли мы, похлопайте И проводите добрым нас напутствием».

Это чисто языческое отношение к жизни, как к спектаклю, а к человеческой жизни, как к роли, — внедряется и в нашу жизнь.

Что же — и великие люди земли русской играли как в театре свою роль, — и Александр Невский, и Дмитрий Донской, святые угодники Сергей Радонежский и Серафим Саровский? А наши советские герои, государственные деятели, полководцы, учёные, космонавты. Все не жили, а изображали жизнь?..

Я поинтересовался, как провожали великих артистов: П. И. Чайковского, Ф. И. Шалыпина, Д. Верди. Нигде я не нашёл ни малейшего намёка на аплодисменты; а описание похорон Фёдора Ивановича Шалыпина — это вообще образец похорон русского человека и великого актёра, с заупокойной Литургией, с колокольным звоном, с погребальным «Святый Боже...».

Совершается великое таинство, а не разыгрывается перед присутствующими пошлый, нелепый и оскорбительный спектакль с аплодисментами над гробом, как будто мы рады, что человек умер...

Давайте же хранить своё, а не заимствовать, не перенимать чужое.

Роберт БАЛАКШИН,
член Союза писателей России,
лауреат Государственной премии
Вологодской области по литературе

Адрес газеты: www.literator35.bl.eeАдрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов.

Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Баранов, Г. А. Сазонов, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.
Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает, в переписку с авторами не вступает.

Тираж издания 999 экз.

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1228. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически — 21.04.2014 г. в 12.00. Выход в свет — 24.04.2014 г.